

* * *

Тимур Майсак. Агульские тексты 1900–1960-х годов /
отв. ред. С.Р. Мерданова. М.: Academia, 2014
(Сер. «Исследования и материалы по языкам Кавказа». Вып. 2). – 496 с.

Рецензируемая работа самим ее автором анонсируется осторожно, как «издание», которое «совмещает жанры сборника фольклорных произведений и научной монографии».

Однако, на наш взгляд, это, безусловно, монография не только по тем развернуто поданным ее разделам, которые посвящены грамматическому описанию и исследованию строя агульского языка (разд. IV, с. 369–462), истории его изучения («Введение» – с. 7–20, с. 371–374), диалектному членению (с. 375–380), лингвистическим принципам представления рассматриваемого материала и т.д., но и в ее фольклористической части, в которой соответствующие фольклорные тексты последовательно паспортизируются по их жанровой и территориальной принадлежности, не говоря о большой текстологической работе над ними, проведенной автором. Монография является, таким образом, комплексной.

Другая особенность рецензируемой монографии – это ее нацеленность на обобщение результатов исследовательской деятельности по агульскому языку, о чем свидетельствует и список обширной, хотя и неполной, научной литературы, приведенной в конце книги (более 140 наименований).

Попутно и к месту заметим, что лингвистические работы обобщающего, историко-аналитического и историко-критического профиля относятся, на наш взгляд, к числу остро востребованных не только в дагестановедении. Без подобного рода добросовестно выполненных обзорно-аналитических исследований трудно говорить о развитии научной мысли и о значимых научных результатах, достигнутых в изучении как отдельных языков, так и их групп, а также языкознания в целом. Так называемые индексы цитирования далеко не являются отражением реального положения вещей в научном мире, не говоря о том, что в них едва ли прослеживается то, что называется вкладом исследователя в развитие научной мысли или расширением исследовательского пространства по соответствующей проблематике.

Монография Т.А. Майсака носит название «Агульские тексты 1900–1960-х годов» и построена в порядке, противоположном построению тех исследований, из которых эти тексты извлечены. «Агульский язык» А. Дирра (1907), «Грамматический очерк агульского языка» Р.М. Шаумяна (1941) и «Агульский язык» А.А. Магомедова (1970) начинались с фонетико-грамматических описаний языка и завершались текстами и словарными материалами. Обращает на себя внимание, однако, то, что заявленным и реализованным намерениям автора при подборе текстов, верхняя хронологическая граница публикации которых приходится на конец 60-х гг., противоречит досадный «сбой». На с. 263–308 приводятся и комментируются тексты двух сказок, извлеченные из первого тома «Свода памятников фольклора народов Дагестана», опубликованного в 2011 г. (!). Это действительно сбой в хронологической логике, поскольку некоторые агульские фольклорные тексты, если иметь в виду время их публикации, издавались задолго до 2011 г.

По внимательном ознакомлении с содержанием монографии напрашивается вывод, что предложенная ее автором структура отнюдь не является формально-композиционным приемом. Это реализация другого исследовательского подхода, предполагающего движение от текста – к языковому коду.

Такой подход, безусловно новый применительно к бесписьменному в описываемый период языку, позволил автору описать в грамматической части исследования не только значения и функции соответствующих грамматических форм (падежных, глагольных и др.) в фольклорных текстах, но и говорить об их частотности. Правда, при этом не оговаривается, в какой

мере частотность форм, выявленная применительно к фольклорному материалу, ограниченному жанровыми канонами, может быть экстраполирована на обычный, жанрово индифферентный разговорный язык: ведь частотность грамматических форм, как и лексических единиц, зависит от тематики и речевых ситуаций.

Монография состоит из пяти разнообъемных разделов, которые включают в себя I. «Введение» (с. 7–21); II. «Тексты и транскрипции с поморфемной нотацией» (с. 23–262); III. «Тексты в кириллической записи» (с. 311–368); IV. «Краткий грамматический очерк агульского языка» (с. 369–462); V. «Приложения» (с. 463–482). Завершается работа списком литературы и вторым, более подробным, оглавлением.

Как видно по проделанной и прекрасно оформленной работе, представленной на суд читателя, монография потребовала от ее автора огромных усилий, завидной тщательности и последовательности в решении поставленных задач. Речь идет прежде всего о текстах как о предмете изучения, которые, будучи совершенно по-разному записанными в использованных им источниках, требовали не только разработки единых принципов в их унифицированной подаче современному читателю (читателю-специалисту и неспециалисту), но и трудоемкой подготовительной текстологической работы.

С этой задачей автор справился, на наш взгляд, блестяще. Все тексты даны в так называемой поморфемной нотации в соответствии с «Лейпцигскими правилами глоссирования», включающими в себя три последовательных шага – транскрипцию, поморфемный перевод слов на русский язык с соответствующими грамматическими указаниями и связный перевод фразы на русский язык.

Отдельно приводятся все тексты в их жанровом оформлении на языке-источнике, а также в переводе на русский язык. Тексты разведены по фольклорным жанрам и озаглавлены. Среди текстов обнаруживаются и такие, которые относятся к редким жанрам. Так, текст «МЗ. Куда идешь, Читай?», приведенный на с. 160–161 в виде диалога, может быть квалифицирован как разновидность кумулятивной сказки.

Жаль только, что автор не касается вопроса о том, насколько удобен и универсален используемый им метод «нотации», в том числе и по графическим обозначениям звуков, которые имеются в виду. Обсуждение такого вопроса правомерно было бы, в частности, и потому, что принципы морфологического, точнее – словообразовательного, анализа применительно к дагестанским языкам, насколько нам известно, вообще не разработаны. В этих принципах не может не учитываться роль консонантных составляющих в структуре слова в дагестанских языках, как и в других кавказских. Косвенной опорой при разработке подобных принципов применительно к дагестанским языкам была бы, в частности, теория словообразовательного анализа применительно к русскому языку, предложенная в свое время Г.О. Винокуром в его «Заметках по русскому словообразованию» (1947) и Х. Марчандом (H. Marchand) – применительно к английскому языку (1956).

Без адекватного осмысления морфемной структуры слова говорить о его значении или значениях его частей достаточно сложно. Приведем несколько произвольно отобранных примеров из рассматриваемой работы. Так, на с. 86 поморфемная нотация одного из слов выглядит так: *qaiχ.u-na*. Значение корневой части слова передается русским глаголом *класть*. К корню отнесен и префиксальный сегмент слова. В действительности в той же как бы корневой части должен быть выделен префикс *qa-*, на что указывают изофорфные ему окончание местоимения *wa-q* и опять-таки префикс собственно глагола, сохраняющийся в причастии, *qa-je* в той же фразе. Следовательно, предложенная нотация оказывается сомнительной. На с. 115 слово *sa* из сказки переводится как числительное *один*, хотя в самом деле речь должна идти не об *одном* царе, а о *некоем* царе. Аналогичные примеры можно привести еще. Но такого рода мелкие упущения несколько не могут повлиять на общую оценку исследования, выполненного на высоком научном уровне.

Очень полезны для широкого читателя и поучительны компактно составленные автором монографии научно-биографические справки о каждом исследователе, из работ которых извлечены тексты.

Оригинален и обширный авторский грамматический очерк агульского языка, в своей организации ориентированный на функциональный анализ форм, встречающихся в текстах. Вместе с тем в нем рассматриваются и общетеоретические проблемы грамматики агульского языка, в освещении которых автор следует одной из существующих традиций. Поэтому заме-

---

чания в этой части адресованы не столько автору рецензируемой работы, сколько той научной традиции, которой он следует. Остановимся только на некоторых из них:

1. В исследованиях по фонетико-фонологическому описанию агульского языка преобладающим остается подход фонетический в ущерб фонологическому, который в случае его последовательной реализации позволил бы, в частности, выявить, с одной стороны, действительные и мнимые различия между диалектами и говорами агульского языка, а с другой – его фонологический строй, количество вариантов и инвариантов этого строя. Фонетические описания дают явно усложненную картину.

2. Вопрос о падежах. В монографии утверждается, что в агульском языке «всего по диалектам выделяется до 30 падежных форм, традиционно разделяемых на две группы – синтаксические и локативные падежи. К синтаксическим падежам относятся абсолютив, эргатив, генитив, датив и комитатив» (с. 390). При этом абсолютив (т.е. номинатив) характеризуется как «падеж субъекта непереходного глагола и пациенса переходного глагола» (там же). Не упоминаются аккумулятив, неизбежно предполагаемый глагольной категорией переходности, инструменталис и интраиталис (*Завас хъасе ле лихун акъас* ‘Я смогу сделать ту работу’). В такого рода конструкциях форма *завас* и ее аналоги не имеют никакого отношения к локативам в синхронной падежной системе. Что касается абсолютива, то он по логике вещей не может быть одновременно и падежом субъекта, и падежом объекта при переходном глаголе. Переходный глагол управляет аккумулятивом, который в агульском языке единственный и является синтаксическим (синтаксическая позиция существует, но она лишена падежной оформленности). Другие падежи, названные в работе синтаксическими, таковыми не являются. Синтаксические падежи существуют в тех языках, в которых нет морфологической категории падежа. Например, в русской фразе *Мать любит дочь* падежи выражены лишь синтаксически, хотя русский язык и располагает развитой морфологической категорией падежа. Аналогичен и аккумулятив в агульском. Нет в агульском языке и комитатива даже в стадии становления. Важнейший признак падежной формы состоит в том, что она непроницаема. В случае с так называемым комитативом фонетическое слово с постпозитивным деепричастным сегментом ошибочно принимают за падежную форму, ср.: *Ге (ги) захъна михъ хъай (хъари) адини (арини)* ‘Он пришел со мной и с ним’.

3. К сожалению, при представлении глагольной морфологии выдвинутыми в центр оказались глагольные формы в ущерб глагольным категориям.

4. К местоимениям ошибочно отнесены наречия *тич, мич, гич, мичди, гичди* и подобные.

Такого рода комментарии опять-таки не могут сказаться на общей оценке рецензируемого исследования, поскольку они обусловлены совершенно недостаточной изученностью агульского языка.

Исследование выполнено на высоком научном, филологическом и лингвистическом уровне, прекрасно структурировано, снабжено фотографиями, заимствованными из работ предшественников, указателями грамматических форм, замечательно издано. Исследование является безусловным творческим и профессиональным успехом его автора.

Исследование является безусловным творческим и профессиональным успехом его автора.

З.К. Тарланов,
доктор филологических наук, профессор,
главный научный сотрудник
Института языка, литературы
и искусства им. Гамзата Цадасы ДНЦ РАН.